

Владимир ВИШНЕВСКИЙ:

Я не самый типичный пациент Фрейда

Беседовал
Александр
Славуцкий

Одностишия Владимира Вишневского уже стали крылатыми фразами и порой звучат в устах старых друзей, а то и вовсе незнакомых друг другу людей как «пароль — отзыв». Откуда такая популярность? Время нынче такое, что короткие одиночные строфы запоминаются легче? Или лицо поэта примелькалось: куда только ни глянешь — всюду он? Или просто смешно? Обо всем этом наш корреспондент беседует с автором.

— Помните строку Кедрина: «У поэтов есть такой обычай, в круг сойдясь, оплевывать друг друга». Интересно, а в клане сатириков такие же отношения?

— Наверное, во всех кругах людей творческих есть некий элемент ревности друг к другу. Но такого, чтобы этот обычай в чистом виде проецировался на комический цех, я сказать не могу. Отношения тут скорее, знаете, дружественные, как в профессиональном боксе, когда люди дерутся, но вместе выполняют одну работу и уважают друг друга как профессионалов. Хотя разное, конечно, бывает... Например, на съемках фильма «Дни ангела», в котором я играл адвоката героя Гафта, он меня похвалил: «Старик, потрясен, тебе надо сниматься». А буквально на следующий день он сказал Жванецкому, что у Вишневского совсем поехала крыша, он вообразил себя киноактером. Но это вполне в его стиле, ведь это дядя Валя Гафт, который по доброте может сначала одно сказать, потом что-то совсем другое.

— Когда общаешься с писателями-юмористами, то часто кажется, что «свою долю» веселья они отработывают в творчестве, а на жизнь им смеха уже не хватает. Относится ли это к вам?

— Смею надеяться, что нет. Хотя мне, конечно, самому трудно рассказывать о том, какой я веселый, но, как признают мои друзья и даже не очень близкие знакомые, не произвожу впечатления человека мрачного и угрюмого. Единственное, я принципиально выступаю против непрерывного шутования. Люди, которые ежеминутно смеются, постоянно выдают остроты, меня раздражают. Так же как и те, кто ждет, что я буду все время шутить, говорить одностишиями. Шутки должны рождаться естественно, органично, по ходу общения, и шутить специально я не люблю.

— Владимир Петрович, недавно, слегка поменяв, вы объявили городу и миру, что программа «Парк юмора с Владимиром Вишневским» пошла на третий срок. И насколько для вас органично и уютно амплуа телеведущего? Ощущаете себя телеведущим?

— Все таки телеведущий и телезвезда — это разные понятия. Телезвездой я себя, разумеется, не считаю. А так, телевизионная работа мне привычна. Вот уже лет пятнадцать я живу в режиме если не регулярных, то периодически возникающих телепроект. В начале 90-х на канале «Россия» я вел программу культурных новостей «Складчина». Затем на НТВ был проект «Вишневский сад» — телевизионное собрание сочинений, которое, кстати, до сих пор идет на НТВ-Мир. Ну а с конца 2003 года я живу командной жизнью в режиме производства и съемок программы «Парк юмора». За один день снимается три выпуска. И хотя съемка — дело ответственное и сулящее адреналин, — она для меня чуть легче, чем подготовка к ней. Так что несколько дней перед записью программы я практически ничем иным, кроме как подготовкой к «Парку юмора», заниматься не могу. И так два раза в месяц.

— Ну да, ваша программа, по-моему, единственная на нашем телевидении с подводками в стихах. Но, как

мне кажется, далеко не всегда читаемые вами стихи пишутся специально под данную программу.

— Действительно, не всегда. Я уже перецитировал, скажем так, половину себя, но в программе это не демонстрация своего творчества, здесь я заточен под коллективную задачу: эффектно подать любимым нами артистов и авторов. Мне не очень нравятся такой приземленный конференс, когда нужно говорить: а сейчас выступит такой-то артист с таким-то номером. И в нашей программе подводки не буквальны, а скорее ассоциативны. И в основном я стараюсь в них раскрываться как поэт, а не как юморист. И порой читаю стихи, в которых чаще больше лиризма, чем юмора, чтобы возник контраст между лирической составляющей моих стихов и номером, рассчитанным на смеховую реакцию. Точно так же и в своем выступлении и заключении к программе я стараюсь избегать простой злободневности и любовой сатиры.

— Хотя и в удовольствии процитировать смешную оговорку того или иного политика себе не отказываете.

— Да, если кто-то из них отличился в жанре, в котором так и не превзойден Виктор Степанович, то я, конечно, этот высокий юмор наших политиков обыгрываю в телепрограмме. Конечно, если Анатолий Борисович говорит: «Есть такая профессия — родину освещать», я не могу пройти мимо этой фразы. Эта фраза уже вошла в кладь афористики новейших времен, равно как и фраза Клебанова, который однажды, правда, в довольно печальном контексте, произнес: «Шторм начал интенсивно утихать». Кроме словотворчества политиков у меня есть еще несколько любимых тем: вести из регионов, зоопарки мира и необычные рекорды. Например, не так давно в Финляндии проходило соревнование по переноске жен, то есть кто дальше свою прекрасную половину унесет. Что позволило мне, обобщая, сказать, что в нашей сумасшедшей жизни мы можем все вынести и перенести, в том числе и своих близких.

— Многие телевизионщики сравнивают эфир с наркотиком, вы что-то подобное испытываете?

— Я, конечно, не могу без того, чтобы время от времени видеть себя на экране. Для меня и возможность сниматься и появляться на экране телевизора давно стала энергетической и творческой необходимостью. Понимаю, что на мне видны суетные реакции публики человека, и, наверное, я являюсь самой банальной фокус-группой для того, чтобы проверить, что такое телевидение как наркотик. Но, с другой стороны, когда меня куда-то зовут и говорят, что там будут телекамеры, могу сказать: для меня это уже не является стимулом, я могу взять и не сниматься в какой-нибудь программе, если мне что-то в ней не нравится. При образе моей работы и легкости моей музы телевидение входит в часть профессии и является такой же необходимостью, как поэту — публиковаться. Так что я себя все время осекаю, если возникает соблазн ругать телевидение за эстетическую грубость, за цинизм. Я говорю: не мне ругать телевидение.

— В ваших словах чувствуется даже благодарность в адрес телевидения.

— Еще бы, телевидение могло мне почувствовать определенную востребованность, и город уже давно проявляет некоторую осведомленность о моем лице. Пять лет назад писали, что феномен Вишневского в том, что народ знает не только его

Александр Славутский

стихи, но и его лицо. А сейчас можно и наоборот сказать, что благодаря телевидению народ знает не только мое лицо, но и мои стихи.

— О, тут самое время привести какой-нибудь подходящий пример!

— Каждый день для человека, имеющего позитивную узнаваемость, возникает проблема первого встречного со знаком плюс. Я собираю слова, которые мне говорят первые встречающиеся люди, порою это бывает очень смешно. Вот, например, идет студенческая парочка, он и она примерно в одинаковых очках, с рюкзаками за спиной, завидно — счастливые, едят мороженое. Вдруг видит меня и говорит: «О, Вишневский, здравствуй». А затем и совершенно искренне, без всякой задней мысли добавляет: «Хотите лизнуть мороженое?» Один человек, такой массивный дядечка, представился мне заместителем начальника московской гауптвахты и сказал: «Если что, обращайтесь!» И я по советской своей привычке подумал: «А действительно, если что». Несколько раз я был свидетелем того, как на меня заключали пари. Например, как-то еще в 90-х годах я загорал на одном из московских пляжей. Ко мне подходит человек новорусского вида и приглушенным голосом умоляет меня: «Слушай, а ты можешь сказать, что это ты, потому что я жене на тебя проиграл пари на поездку в Турцию». Я ему ответил: «Нет, раз уж проиграл, то вози».

— Да, но, наверное, у такой узнаваемости, как и у всякой медали, есть и другая сторона.

— Совершенно верно. Иногда я сталкиваюсь и с тем, что люди, причем совершенно незнакомые, от меня ждут веселья и шуток. На рынке ко мне подходит человек восточного вида, видимо, насмотревшись «Белого пулуга», говорит: «О, как быстро кончился кроватки. Пульни анекдотом». Или как-то летом на палубе прогулочного корабля после окончания мероприятия девушка, вся в белом, протягивает мне кулек конфет, говорит: «Угощайтесь». Я смотрю на нее, на солнце, на небо и запускаю в кулек руку, чтобы взять конфетку, и почти тут же слышу от нее: «А одностишие?»

— Разумеется, что-то забавное должно постоянно происходить и на ваших концертах.

— Да, что-то подобное происходит постоянно. Помню, как-то я выступал перед одной спортивной командой и меня внимательно всех слушал тренер кавказской наружности. Когда я читал одно из своих любимых стихотворений про «лежачую полицейскую», он после каждой строфы оборачивался к спортсменам и делал особый жест, как будто я забил гол. Он засчитывал мне каждую строфу! И таких примеров очень много. Впрочем, есть и другие. Например, однажды, это было еще в 90-х, я выступал 1 апреля в одном из местных клубов. Но мою

программу сорвали омоньцы, которые ворвались в клуб с криками «Всем лечь на пол!». Что обלאва настоящая, я понял последним и сильно рисковал получить по голове. Оказалось, что они искали какого-то заложника, скрывающегося, по их данным, в клубе.

— Славу вам принесло одностишие, как вы сами объяснили бы их всеобщую популярность?

— Наверное, наше время, когда ЭВМ, Интернет, телевидение заменяют общение с книгой, препятствуют углублению в какие-то духовные ценности, склоняют скользить по верхам. Жанр одностиший, который я укрупнил и приватизировал, сатанинским образом совпал с эпохой клипового сознания, с эпохой всеобщей тотальной спешки, занятости. Когда, говоря утрированно, на вторую, третью, четвертую строку у людей не хватает ни сил, ни времени. И передо мной стоит задача успеть уместиться, сказаться в одной строке. То есть, конечно, это прежде всего черта времени — в XIX веке такого бы быть не могло.

— Интересно, а как одностишия сочиняются? Неужели вы садитесь за письменный стол с чернилами, пером, бумагой...

— Нет, конечно, не так. Одностишия я проживаю, они меня очень часто осеняют в какие-то экстремальные, или, скажем так, событийные моменты жизни, любви и дружбы. Истории появления некоторых из них я помню до сих пор. Например, помню,

как родился: «О как внезапно кончился диван». Или как точно так же в самых нежных обстоятельствах появилось: «Все больше людей нашу тайну хранит». И так далее. Понимаете, в одностишиях интересно то, что они основаны на каком-то особой гиперплотности смысла, чего нет, допустим, в каламбурах или шутках, содержащих игру слов или звуков.

— Как, на ваш взгляд, можно было бы определить жанр вашего творчества: сатира, юмор, что-нибудь еще?

— Слово «юмор» я не люблю. Я всегда могу пошутить и заставить кого-нибудь улыбнуться. Но, конечно, я не юморист и не сатирик. Поэт-сатирик — пишут на афишах, чтобы дать более точное жанровое определение. Но я ощущаю себя прежде всего поэтом, хотя моей музы и присущи какие-то сатирические, иронические краски, все-таки это лирика, точнее — лирическая ирония по поводу всего. Когда-то я писал добротные лирические стихи. То есть вполне обязательные, вполне публикуемые, например печатался в «Юности». Но такая лирика никогда бы не сделала мне имени. Постепенно стезя вывела меня на такую пограничную лирироносическую территорию, где я стал кому-то, и прежде всего самому себе, нужен. Гофман сказал: «Нужно в жизни делать только то, что дается легко, но делать это изо всех сил». И я нашел то, что мне дается легко, в том смысле, что делаю это с вдохновением.

— У читателей и зрителей вы пользуетесь большой популярностью. На каждом своем выступлении с легкостью овладеваете залом. И вот скажите, когда вы стоите на сцене у микрофона и смотрите в лицо публике, кого она вам больше напоминает — мужчину или женщину?

— Вы, вероятно, меня склоняете двинуться по пути развернутой метафоры: уподобить публику женщине, которой можно запудрить мозги и овладеть, которая лобит, когда ею повелевают. Это и так, и не так. Честно говоря, над этим вопросом я никогда не задумывался, но то, что она не мужчина, — это точно. Для меня публика — это всегда соперник и партнер, высота, которую нужно взять, и донор, который меня питает энергетикой. Я действительно очень зависим от реакции зрителей. Выступления для меня давно стали некой жизненной необходимостью, и долго не выступать я не могу.

— Если бы ваши стихи попались Зигмунду Фрейду, как вы думаете, что бы он сказал, их прочитав?

— Поскольку у моих стихов нет какого-то нагруженного содержанием подтекста, то не думаю, что я самый типичный пациент Фрейда. Так что он бы про мое творчество, наверное, сказал ленинскими словами: «Правильной дорогой идете, товарищи!»

— Задавая вам этот вопрос, я имел в виду, что, когда вас читаете, кажется, что вы создаете о себе некий миф, этакого героя-любовника, пострела, который «всех успел»... Хотя иногда кажется, что за вашим имиджем самоуверенного, удачливого человека стоит что-то такое раннее и робкое...

— Это верное наблюдение. Конечно, я раним, хотя жизнь располагает к тому, чтобы как можно больше загрузить и затвердеть. Мне поздно быть слабым в свои 50 с небольшим. Но все-таки я и сейчас чувствую себя человеком, которому плохо в этом нет. Скажите, как не быть сентиментальным с друзьями, с воспоминаниями, с прошлым, с какими-то личными событиями, утратами. Невозможно, да и не нужно все время быть твердокамненным, сильным.

— И все-таки, герой ваших стихотворений, стихов и одностиший — покоритель женских сердец, донжуан и остролов. Насколько сознательно такой имидж был вами выстроен?

— Врядную отвечать на этот вопрос, наверное, не стоит. Конечно, в определенном смысле я являюсь заложником своего имиджа в том плане, что в восприятии меня широкой публикой сложились определенные стереотипы. Но от разговора по поводу имиджа я лучше уклонюсь с помощью одного примера. Как-то по пути в «Останкино» я заехал к маме и сказал ей, что еду к Гусману на программу «Тема» в качестве эксперта по вопросу: «Есть ли у нас секс?» Она, зная мой имидж, который мне «пошли», правда, не без моего участия, не без грусти на меня взглянула и произнесла: «Вова, ты только там больше на себя не наговаривай. Ладно?»

— Вы добились в жизни очень многого. Но ответьте на простой вопрос: счастливы ли вы?

— Сейчас я гораздо более счастлив, чем в 17–20 лет. Ведь абсолютного счастья быть не может, и поэтому, на мой взгляд, чтобы быть счастливым, сегодня требуется только некоторая нелишенность. Расшифровываю: нелишенность свободы, нелишенность здоровья, отсутствие физической боли, на которой ты заиклен, и главное — способность на свободе и при жизни это оценить. Для этого важна некоторая богатырская сила, которая дозирует все плохое и все хорошее, дает некоторую систему координат. Я завидую людям религиозным или с сильным ощущением Бога, потому что им проще жить, поскольку в любой ситуации они знают, как поступать.

— О встречах на улицах поговорили, концертные хохмы вспомнили. Ну и, завершая разговор, давайте вспомним какой-нибудь смешной эпизод, связанный с телевидением.

— Осенью 2003 года меня пригласили на съемки, к сожалению, так и не вышедшего в эфир проекта Первого канала «Мечта». Суть программы заключалась в том, что телевизионщики выбирали какого-то человека, с помощью его друзей и добрых осведомителей выясняли, о чем он мечтает, и подстраивали ситуацию, в которой эта мечта сбывалась бы. Так вот, в моем случае нашли девушку, вроде не сумасшедшую, мою фанатку, мечтавшую о встрече со мной. Встречу решили организовать в Сокольниках, куда ее друзья должны были доставить обманым путем, а меня к этой девушке, стоящей по плану на остановке, собирались подвезти на карете.

— Когда мы приехали в Сокольник, был потрясающий солнечный осенний день. Только что прошел грибной дождь, и асфальт уже успел почти высохнуть. Лошади, взмокшие от ожидания, бьют об асфальт копытом. Разумеется, я не хочу упустить уникальную возможность прокатиться на карете и жажду в нее, хотя какую-то часть пути мог проехать на машине. Едем мы пять минут, десять, пятнадцать. А я не знаю телефона ни нашей редактрисы, ни кого-то из администраторов. И вскоре понимаю, что съемка не начинается, потому что мы элементарно заблудились, и я спрашиваю возницу, знает ли он дорогу? Он говорит, что вроде едет правильно. Проходит еще десять минут. Я снова начинаю его доставать вопросами: а куда мы с ним едем? И тут он вспоминает в качестве одного из ориентиров единственную в этом парке бензозаправку. И ничего не думая о том, как это выглядит со стороны, я высываюсь из кареты и спрашиваю у первого встречного: «Скажите, а где здесь бензозаправка?» И в следующее мгновение я понимаю, как комично это выглядит со стороны, и начинаю сам дико хохотать. Но больше всего мне запомнился взгляд этого молодого, вполне современного человека. Он так сердито на меня посмотрел, и в его глазах читалось осуждение: как же вы на телевидении всех достали со своими подставками, розыгрышами, скрытыми камерами. И, ничего не сказав, он пошел дальше.

Слова

Николай Петров, пианист, народный артист СССР:

— Володю я знаю уже больше десяти, а то и пятнадцать лет и не перестаю удивляться его способности находить смешное там, где, казалось бы, и никакого повода для веселья нет. Владимир Вишневский, на мой взгляд, является одним из самых изящных и утонченных артистов и писателей, работающих на нашей эстраде. Конечно, к этому жанру можно относиться по-разному, но Вишневский является одним из тех, кто не опускает артефакта до животного и примитивного смеха над самыми простыми вещами на уровне рефлексов, а наоборот, пытается хотя бы чуточку приподнять его над обыденностью с помощью очень тонкой и увлекательной игры на поле юмористики. И в творчестве Владимира Вишневского меня подкупает именно вот это интеллектуальное начало, которое выражается различными способами, но присутствует во всех его произведениях.